

Проблема экспансии в Россию западной системы ценностей и формирование массовой культуры.

Вступление России в эпоху либеральных реформ характеризуется глубочайшим потрясением культурной и духовно-нравственной сфер общественной жизни. Исчезла централизованная система управления и единая, жестко проводимая сверху, политика в этой сфере. Конституция РФ признает «идеологическое многообразие» «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Серьезно повлияло на состояние леи в культуре резкое сокращение государственного финансирования. Культурно-духовное пространство и культурный облик нового российского общества формировались в процессе разрушения советского культурно-духовного пространства. Этот процесс обусловлен вхождением России в постиндустриальное общество.

В 2006 г. в Санкт-Петербурге на первом Российском культурологическом конгрессе отмечена тенденция к созданию глобально-информационного общества, определению условий, которые соответствуют интересам людей планеты, а не только «золотого миллиарда», с помощью возможностей глобальной культуры двигаться к этой цели. Ресурсы заключены в экологическом понимании современной социальной сети. Данная система представляет собой систему сетевого характера. Каждый элемент сети создается всеми другими элементами и выражает ее содержание. Вся система может быть понята только при адекватном понимании ее базовых элементов в их единстве. Культурологический подход к социальной сети информационного общества заключается в двух главных позициях:

-глобальная сеть организации социокультурного воспроизводства должна основываться на одних и тех же моделях;

-человек по своим параметрам не может не соответствовать свойствам сети.

Россиянам необходимо было решить три задачи:

- 1) освоить новые связи, функции и отношения, характерные для информанионного общества;
- 2) идентифицировать себя в мировой истории;
- 3) выработать национальную идею (объединяющую общество цель).

Первая задача решалась путем использования культурологических теорий и технологий, демонополизации методологических подходов. Две остальные задачи

решались снятием запретов, разрушением советской системы духовных ценностей, традиций и норм.

Сложность задач затрудняет выделение четких временных рамок решения каждой. Поиски решения первой задачи приходится преимущественно на первый этап (1992-2000 гг.). Вторая и третья задачи на втором этапе (2000-2009 гг.) решались более целеустремленно и целенаправленно. Уделялось больше внимания формулированию государственных интересов в сфере культуры. Многие исторические задачи приходилось решать политическими средствами.

В 1992-2000 гг. процесс свелся к тому, что функции культуры и власти в реальности переставали совпадать. Культура перестала пониматься как опора власти и как средство сохранения самой власти. Этому способствовало исчезновение запретов. Символика советской власти, выраженная в наименовании городов и сел, отвергалась населением. На карте страны вновь появились Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Сергиев Посад, Великий Новгород. Национальным флагом признано историческое знамя России — триколор. Новая российская власть активно поддерживала эти процессы. В октябре 1993 г. была создана Государственная комиссия по перезахоронению останков царской семьи. В июле 1998 г. состоялась торжественная церемония перезахоронения в Петропавловском соборе.

Процесс изменения культурного облика россиян положил начало формированию новой модели коллективной самоидентификации, роли в ней личной позиции. Этот процесс распался на два этапа. В 1992-2000 гг. антикоммунизм часто заменял отсутствие собственной позитивной позиции. Защита национальных интересов России была риторической, забота о государстве понималась в геополитическом контексте. Но распад советской империи каждый человек переживал болезненно. Затруднялись связи с родственниками, друзьями, коллегами по работе. Переживал распад СССР самый крупный этнос страны — русские. Они вложили огромное количество сил, принесли неисчислимые жертвы при строительстве российской империи. Для сохранения огромной территории в советский период затрачены культурные, образовательные, интеллектуальные ресурсы. С начала 2000-х гг. пришло понимание необходимости формирования модели новой российской государственности, конкретизации национальных интересов.

В 1992-2000 гг. позитивная модель национальной самоидентификации («мы — хорошие, добрые, культурные и т. п.») стабилизировала общество и обеспечивала относительно высокий уровень толерантности. Однако существовала и негативная модель («они — плохие, злые, агрессивные и т. п.»). Негативная модель

способствовала формированию ксенофобии. Элементы позитивной и негативной моделей самоидентификации сосуществовали. Они образовали сложный ценностный комплекс массового и индивидуального сознания.

На формирование ценностного комплекса сознания действовали факторы из разных источников. Во-первых, открытые границы обогащали личный опыт познания жизни, культуры, духовных ценностей других стран. Во-вторых, положительному опыту узнавания «других» мешали снижение жизненного уровня, первые коммерческие неудачи, отсутствие опыта вести такого рода личную деятельность. В-третьих, способности и таланты большинству новых собственников было трудно использовать. Сохранялся традиционный фактор близости к власти как к механизму доступа к привилегиям получивший название «приятельского капитализма». В-четвертых, миграция населения из стран СНГ, переезд из благополучных регионов (Север, Дальний Восток, Чечня), отъезд за границу тех, кто воспользовался доверчивостью обывателем. В-пятых, террористические акции способствовали формированию ксенофобских эмоций.

Для российской культуры и духовной жизни россиян оказалась непривычной формирующаяся структура социальной стратификации.

Во-первых, ломалась привычная структура деления общества на рабочих, крестьян и интеллигенцию. Общество начинало делиться на низшие, средние и высшие классы.

Во-вторых, в основу деления закладывались новые признаки: деление общества по доходам, бытовым условиям, психологии.

В-третьих, новые признаки вошли в противоречие с культурными архетипами и дореволюционной русской, и советской культурой. Русская культура традиционно строилась на идеале справедливости. Советская идеология эксплуатировала идею равенства.

В-четвертых, разрушена система политического манипулирования властью монопольным идеологическим инструментом. Складывался сложный конгломерат новейших, частью вульгарно понятых, идей и теорий. Он усложнял восприятие новых правил и отношений. В массовом сознании россиян на смену идеологии марксизма-ленинизма шли либеральные теории, на которых базировалось информационное общество. Но серьезное воздействие оказывали и идеи православных мыслителей. В них духовно наполненная жизнь противопоставлялась суетной деловитости как сути предпринимательства.

В-пятых, нравственность большинства россиян не примирилась с тем, что имущественный критерий на практике достигался не в результате таланта, способностей, но в результате использования нерешенных проблем законодательства, отсутствия четкости новых правил жизни, прямого их нарушения.

Процесс нового структурирования болезненно, но наиболее результативно протекал в среде интеллигенции. Критерием различий стал не привычный уровень образования, а имущественный. Ошибки экономических реформ, новые критерии различия привели к болезненной коллизии в её среде. Возникли процессы, приведшие многих в категорию «новых бедных». Но из этой среды вышли и первые олигархи. Из нее же преимущественно формировался и средний класс.

Сложилась уникальная ситуация: одной из основных проблем постсоветских реформ стал высокий стартовый уровень образованности всего общества и, как следствие, завышенный уровень ожиданий. Он стал психологической помехой в новых условиях жизни. Социологи заговорили о возрождении в России «культуры бедности». Эта «культура бедности» являлась частью советской традиции (несколько преодоленной в брежневский период). Политические дискуссии способствовали поляризации психологии российского общества на тех, у кого формировалось отношение к власти как к антинародному правительству, и тех, кто пытался «оседлать» время, понять суть и смысл текущих перемен.

Массовое сознание отказывалось признать законными итоги приватизации. Политические лидеры левого толка твердили, что истинная духовность несовместима с бизнесом. Особенную активность проявляли коммунисты и «почвенники». Партии либерального спектра не осознавали, что массовое сознание нуждается в реалистическом подтверждении идей либерализма. В повседневной жизни россиянин нуждался в конкретном объяснении конкретной связи роста цен на нефть, либерализации валютной системы с его личным интересом. Либеральные партии и их политтехнологи не умели работать с массовым сознанием: создавать продуктивные технологии жизни: веру в себя, в свое дело, в свою страну. В итоге профессиональная интеллигенция оказалась выведенной за рамки интеллектуальных активных и эффективных действий. Частное предпринимательство во всех сферах культурной жизни утверждалось в трудных условиях.

Творческая элита оказалась психологически не готова к интеллектуальной модернизации страны, утрачивала ранее огромный общественный статус. Упускалось из виду, что молодежь, получившая среднее образование и тем более окончившая в постсоветские времена университеты, в том числе зарубежные, начинала жить в иной

реальности. Сложные и противоречивые взаимоотношения бизнеса с обществом начали формировать в сознании молодежи образ предпринимателя не только как человека с живым умом, энергичного, самостоятельного, с твердой волей, но и с творческой жилкой, природной смелостью, умением пойти на риск, и при этом остающегося внутренне свободным. Образы российских предпринимателей из экономических, социологических, культурологических учебных курсов лишь начинают переключиваться в новую литературу, в кинофильмы режиссеров нового поколения.

В 2002-2005 гг. появилась серия кинофильмов: Ф. Янковского («В движении»), Р. Прыгунова («Одиночество крови»), А. Стриженова и С. Гинзбурга («Упасть вверх»), А. Учителя («Прогулка»), П. Лунгина («Олигарх»). В них поднята проблема цены, которую платит молодое поколение за жизненный успех. Но молодежь внимательнее присматривается не к легализовавшимся бандитам и миллиардерам-нефтяникам, а к карьере отечественного «Билла Гейтса». Им интереснее тип владельца компании по продвижению мобильных средств связи, сетей провайдеров Интернета и т. п. Кинематограф еще не готов программировать его как победителя, но приближается к реальному жизненному прототипу российского предпринимателя, как столичного, так и провинциального (А. Попогребский и Б. Хлебников «Коктебель»). Литература и искусство болезненно ищут подходы к осознанию сути современного предпринимательства.

Впервые в российской истории не великая русская литература подсказывала образцы должного, а электронные технологии воспроизводили образ сущего, объективировали его.

Серьезную поддержку в освоении новых признаков, связей, функций и отношений, характерных для информационного (сетевого) общества, в особенности молодежью, оказали компьютер, мобильные средства связи и Интернет. В апреле 1994 г. Международная организация InterNIC зарегистрировала домен верхнего уровня RU. Это событие стало официальным признанием России как государства, представленного во Всемирной паутине. В 1997 г. количество пользователей Интернетом составляло всего 108 590 человек. В 2002 г. Интернетом пользовалось 4 млн. россиян. Появились крупные порталы: Rambler, Яндекс, Port.Ru, List.Ru и др. Аудитория каждого портала в месяц составляла сотни тысяч посетителей и приближалась к миллионной.

Появились сайты с актуальной информацией о новых научных технологиях, здоровом образе жизни, о СПИДе и терроризме. В 2007 г. сайт «Одноклассники» объединил

молодых людей, обменивающихся информацией о своих успехах в новой жизни. Современные информационные технологии активно использует и церковь.

Уровень проникновения Интернета к 2004 г. составил 10-15% по России в целом и около 40-50% по Москве. Аудитория Рунета составила 13% населения страны. По данным ФОМ, весной 2005 г. 17,6 млн., в 2007 г. – 35млн россиян пользовались Интернетом.

С 1993 г. отмечен колоссальный рост числа покупаемых компьютеров. К 2000 г. он достиг 5 млн. шт. К 2000 г. отставание России от Европы в элементарной обеспеченности компьютерами уже стало не критичным. На руках у пользователей находилось 6,2 млн. персональных компьютеров. В 2009 г. можно говорить о массовой домашней компьютеризации. Она служит эффективным инструментом развития и удовлетворения разнообразных социальных и личностных потребностей людей и рассматривается как необходимая ступень формирования информационного общества. За два-три года россияне освоили пейджер. Но все рекорды побил освоение сотовых телефонов, в первую очередь школьниками и студентами. Россияне живо реагируют на появление новых технологий, видят в опциях «мобильника» эффективные возможности для коммуникации, способ освоения меняющегося мира. В 1993г. «мобильники» были лишь у чиновников высокого уровня. В последующие годы их количество ежегодно удваивалось. По данным газеты «Газета», в августе 2004 г. россияне пользовались 54 млн. мобильных телефонов, в октябре — уже 65 млн. В 2005 г. услугами мобильной связи пользовались 126 млн человек. В 2008 г. Россия вышла на второе место в мире по числу мобильных телефонов, обогнав США, причем в крупных городах многие имели по две и более SIM карты. В феврале 2001 г. Председатель Правительства подписал распоряжение о разработке федеральной целевой программы «Электронная Россия». Государственная власть стремилась стать столь же конкурентоспособной, что и общественные или рыночные институты

Главная проблема заключалась в человеке, использующем новейшие технологии, и целях их использования. В рассматриваемый период российское общество еще не сформировало объединительной цели, ибо коммунистические и либеральные общественные ориентиры разнонаправлены и чужеродны друг другу по своей сути. Эти ориентиры не стремились, да и не могли найти поле для взаимодействия. Они создали причудливую мозаичность культурно-духовного пространства. Мозаичность усложнена поисками путем использования национальных культур с собственными архетипами. Современные российские либералы стремились приумножить, идейно-нравственный потенциал, обретенный в годы перестройки. Они опирались, главным

образом, на идеи высланных в 1922 г. русских философов, в частности Н. Бердяева, о том, что «классовая борьба — первородный грех человеческих общества». Верные теоретически, эти оценки плохо корреспондировались с результатами экономических реформ. «Шоковая терапия» уже к 1993 г. выявила глубочайшие проблемы в ключевой идее либерализма – личной свободе и умении пользоваться ею. Как подытожил поэт Е. Евтушенко, «мы не знали, что такое свобода вообще, мы идеализировали свободу. Нам представлялась, например, свобода слова волшебным ключом к процветанию. А оказалось, что это совсем не так».

В советской культуре были загнаны в подполье национальные основы культур всех народностей и русской культуры. В ходе острых дискуссий и поисков национальные культуры интенсивно обростали идеями разных исторических периодов. Культурно-духовное пространство на российских просторах наполнялось мифами, историями далекого, не всегда реального прошлого.

В 1992-2000 гг. народы России искали пути выхода из шокового состояния, пытались актуализировать прошлое в настоящем. В культурно-духовном пространстве России на фоне чеченской войны, сепаратистских проявлений в ряде субъектов Федерации (Якутия-Саха, Татарстан) наметился кризис представлений о едином, пусть не всегда счастливом, прошлом, затрудняя поиски объединительной цели. К 2000 г. интеллектуальный ресурс актуализации прошлого исчерпал себя, изменив и фокус общественного внимания. Осмысляя исторический опыт, обществоведы, политики, философы и историки в 2001-2009 гг. концентрируют внимание в дискуссиях на идеологических основах нового Российского государства. Кампании по изучению «белых пятен» отходили в сферу академических исследований. Внимание общества с прошлых обид (колониального прошлого, репрессированных народов, трагедии коллективизации и т. п.) переключается на реализацию начавшихся в 2005 г. реформ в социальной, образовательной сферах. Национальные программы ставят цель повысить личную ответственность за выбор, сделанный каждым, понимание нового образа российской государственности, уточнение сфер ответственности власти и прав гражданина. Культурный облик россиян 2000-2009 гг. представляет собой материк, динамично прорастающий как культурными элементами информационного общества, так и элементами традиционных религий и этнических культур народов России.

Культура техногенной цивилизации несет в себе новые ценности, устанавливает новые общественные отношения. Россияне находятся в сложном процессе поиска рецепта формальных и содержательных критериев вхождения в эту цивилизацию. Это — главная проблема, рецепты для ее решения ищутся в срочном порядке. Психология

россиян начинает приучаться к толерантности, пропускать через фильтры массового сознания эстетику жизненных перемен.

Духовные и мировоззренческие настроения и самочувствие россиян обрастают опытом взаимодействия ценностных критериев, обслуживающих информационное общество и каждого индивидуума с собственным национальным архетипом. Начинают выстраиваться цепочки сложных взаимоотношений. Духовная элита, как и общество в целом, все чаще начинает пересекаться с полномочиями и поведением управленческих аппаратов, создаваемой законодательной визой. С 2000 г. этот процесс гибко развивается как процесс взаимоотношений элиты с центральными и периферийными центрами власти. Идет процесс взаимодействия, взаимозависимости, взаимного использования.

Россия движется по пути к информационному обществу, вырабатывая собственный его инвариант. Россияне не хотят воссоздания ни плановой экономики, ни государства тайной полиции. Не осталось ранее привычной единой системы предпочтений. В период капитальной реконструкции российское общество переформирует свою культурную систему. Общество начинает воспринимать специфический характер и функцию самой культуры, ее отличие от советской культуры, когда одна идеология определяла общественный и индивидуальный менталитет, одно литературное или художественное направление формировало общественное сознание. На место регулирующей идеологии и политики партии пришла «информационная власть». В обществе идет интенсивная интеллектуальная работа. Уточняется отношение к историческим и национальным ценностям и культурным феноменам. Они и противостоят, и сосуществуют в культурно-духовном пространстве, не теряя функцию духовного богатства, обретая прагматические и коммерческие черты, облик средств коммуникации.